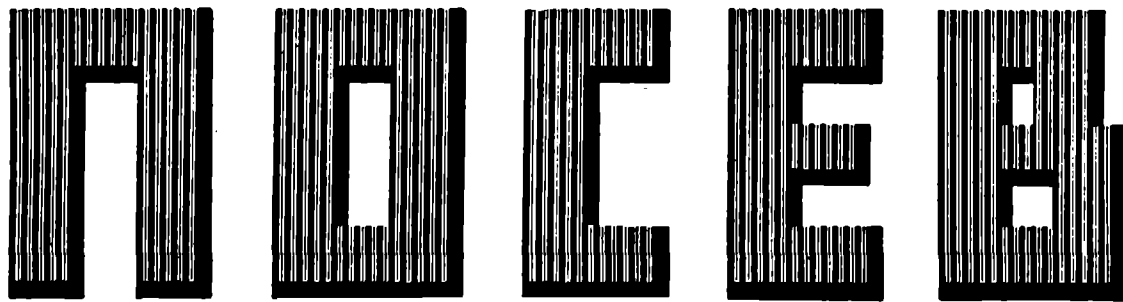

ГОД ИЗДАНИЯ XIII

№ 13 (568)

ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Jahrg. 13 · Nr 13 (568)

Russische Wochenzeitung · POSSEV-Die Auesaat · Frankfurt M., Meriansstr. 24 a

Sonntag 31. 3. 1957

ВОСКРЕСЕНЬЕ
31 МАРТА 1957

Ликвидаторство в комсомоле

Комсомол — «смена партии» — переживает жесточайший кризис, какого эта организация не знала за все время своего существования.

В последнее время колонки «Комсомольской правды» заполнены высказываниями молодежи, которые уже ставят вопрос не о преодолении казенщины, недостатков в работе комсомола, а о ликвидации самой организации. Таким образом, мы встречаемся с новыми убийственными для партии настроениями в комсомоле — с ЛИКВИДАТОРСТВОМ.

*

Поводом для тысяч писем, которые поступили в последнее время в редакцию «Комсомольской правды», писем с самыми пессимистическими оценками комсомола, послужило опубликование письма комсомольца Владимира Ясинского, который «пришел к выводу, что для дальнейшего улучшения работы комсомола следует сократить прием в организацию, исключить из ВЛКСМ всех, кто нарушает Устав, не следует во всем славным комсомольским традициям».

Отклики на письмо В. Ясинского «Комсомольская правда» напечатала в виде большой обобщающей статьи, которая шла с продолжением в трех номерах — от 19, 20 и 21 марта с. г.

Убийственно звучит уже первое письмо — комсомольца Р. Патохина из г. Миасса Челябинской области: «Есть ли вообще настоящие комсомольцы, (подчеркнуто здесь и всюду дальше нами. — Ред.), сомневается он в своем письме, могут ли они что-либо сделать хорошего? В жизни, как пишет Р. Патохин, он ни разу не встретил «романтика горячего и преданного».

«За последнее время, — пишет студент Львовского педагогического института В. Овчаренко, — авторитет комсомола неслыханно упал».

«... Мы (это, видимо, для того, чтобы придать весомость нашим словам — иронически замечает автор обобщающей статьи в «Комсомольской правде». — Ред.) ясно понимаем, что комсомол заражен серьезной болезнью и требуется хирургическое (здесь автор «Комсомольской правды» поставил восклицательный знак. — Ред.) вмешательство».

«Я семь лет переживаю, — вторит В. Овчаренко комсомолец Н. Дихов из Тобольска, — что комсомол уходит с арены жизни».

Как бы иллюстрируя то, в какой безвыходный тупик зашел комсомол, читатель Ж. Таран выдвинул теорию «нуля». «Видимо, пользуясь этой формулой, — пишет «Комсомольская правда», — комсомольцы горьковского университета имени Н. И. Лобачевского С. Чугунова, Э. Рындовский, Л. Вайнштейн, Ю. Николаев, С. Шильман, В. Нозик, Ю. Шихалева, ссылаясь на мнение университетской отчетно-выборной конференции, превращают в нуль и предлагают исключить из комсомола (и то, как они утверждают, по преуменьшенным подсчетам) из их организации пятьсот человек — пятую часть всех состоящих на учете».

«Комсомольская правда» не решилась опубликовать всех писем молодых «нигилистов», но сделала прозрачный намек на то, что среди этих писем были и такие, которые шли еще дальше выше приведенных. Говоря о «некоторых любителях дискуссий», она замечает, что эти люди, «частное смешивают с общим, вместо конкретных предложений по улучшению деятельности комсомола,

поднимают вопрос о том, не изжил ли он себя, и т. д.» Что же за «и т. д.» может скрываться другое, как не требования об уничтожении коммунистической партии и ее системы?

«Комсомольская правда» возмущена, что «диспутанты» (которых она уподобляет «легкомысленным туристам») не только «охаивают то, что создано трудом и кровью предшествующих поколений», но и имеют дерзость выдвигать требования, которые не лезут ни в какие ворота комсомольской дисциплины и установок партии. Так, например, уже упомянутый выше студент Львовского педагогического института В. Овчаренко заявил, что «необходимо немедленно объявить всеобщую дискусию в комсомоле». «Комсомольская правда» поставила гневные восклицательные знаки и после слова немедленно и после слова всеобщую.

Другие авторы писем «вместо конкретной ежедневной борьбы» против комсомольских работников с «бюрократическими замашками» ставят вопрос о «немедленном массовом переизбрании» комсомольских органов.

Комсомолец В. Розанов, уехавший по комсомольской путевке в Норильск, в своем письме фактически поставил вопрос о высвобождении комсомола из-под руководства и опеки партии. «Комсомол»,

— написал он, — нужно доверить большое, серьезное дело. Не только писание плакатов, организацию экскурсий и выставок, сбор металлолома, — комсомолу нужно предоставить законное ему место в производственной и общественно-политической жизни. Не секрет, что теперь значительное число юношей и девушек постепенно выходят именно на этот путь».

Сообразительная «Комсомольская правда» быстро смекнула, куда клонит комсомолец из Норильска, и заявила, что с требованием предоставить «комсомолу «законное ему место в производственной и общественно-политической жизни» согласиться нельзя. «О чем идет речь? — фальшиво вопрошает она. — Партия с момента создания комсомола неоднократно возвращалась к определению места комсомола в общественно-политической жизни страны. Решения партийных съездов и конференций по вопросам работы комсомола имеют величайшее принципиальное и практическое значение. Их должны хорошо знать все комсомольцы, руководствоваться ими в своей жизни». Знают-то их комсомольцы, как показывает то же письмо Розанова, очень хорошо, да руководствоваться ими в своей жизни не желают.

Развязав дискуссию, «Комсомольская правда» спохватилась и в своей обоб-

щающей статье пытается спасти положение, поучая комсомольцев о том, какие дискуссии полезны, а какие вредны. «Как же получается, — деланно недоумевает она, — что люди, заботясь о комсомоле, вместе с тем ставят под сомнение те основные принципы, на которых комсомол зиждется. Видимо, потому, что из частных недостатков без достаточного анализа они стремятся делать широкие обобщающие выводы... Настоящая деловая критика ничего общего не имеет с пустым фразерством, демагогическими обобщениями и выводами. Слишком легко и безответственно судят некоторые товарищи о комсомоле... Ленинский комсомол — это не союз пустых диспутантов, а союз молодых борцов, боевых помощников партии. Значит нам нужны прежде всего дискуссии созидательные, основанные не на голом отрицании, а на положительной программе, на конкретных предложениях, не размывающие то, что уже сделано и достигнуто, а укрепляющие его и открывающие новые пути...»

В заключение «Комсомольская правда» констатирует, что письма в редакцию выявили «два разных подхода к жизни». Именно так: подход бюрократов-аппаратчиков и немногих активистов, из кожи лезущих вон, чтобы «оправдать доверие партии», и подход миллионов комсомольцев и молодежи, которые поняли, что без уничтожения системы их молодость загублена. Размежевание происходит и здесь. И все отчетливее.

Разговор о „неприятных фактах“ на пленуме правления Союза писателей Белоруссии

Обсуждение острых идеологических вопросов последнего пленума Московского отделения Союза писателей (см. предыдущий номер «Посева») перекинулось на периферию. «Литературная газета» от 26 марта с. г. сообщает, что «два дня в Минске продолжался пленум правления Союза писателей Белоруссии... В его работе участвовали не только почти все писатели республики, многие руководители областных литературных объединений и начинающие авторы, но также деятели смежных искусств, преподаватели и студенты вузов».

Учитывая тяжелый для партии урок Москвы, где стремящиеся к свободе творчества и независимости писатели одолели парттордоксов, «коллективное руководство» выслало на пленум в Минск первого секретаря ЦК КП Белоруссии К. Мазурова, который как сообщает газета, «в конце пленума выступил с большой речью». Однако текст его речи пока не опубликован.

Парттордоксы на пленуме в Минске образовали «стенку» и не допустили открытых выступлений против партийного насилия над искусством. Только критик А. Адамович прорвался. О характере его выступления можно судить лишь по туманному замечанию «Литературной газеты», что «не со всеми его высказываниями можно согласиться. Например,

в полемическом запале А. Адамович назвал белорусскую писательскую организацию литературной провинцией, до которой поздно доходят новые веяния и в которой процветает зажим критической инициативы».

Но если на пленуме больше не было допущено открытых высказываний в защиту свободы творчества, то в истерических речах прислужников режима явно звучала паника перед происходящим в литературной среде процессом высвобождения.

Главный докладчик — председатель правления Союза писателей БССР П. Бровка начал с места в карьер: «Мы живем в сложное время. Представители буржуазной идеологии рьяно выступают против нас, советских литераторов, пытаются опорочить, очернить как метод социалистического реализма, так и партийное руководство литературой. Они кричат, доходя до истерики, что у нас нет «свободы творчества». Они хотели бы вырвать такой ответственный идеологический участок, как художественная литература, из-под руководства партии». Бровка не пояснил, где живут эти «представители буржуазной идеологии». Если за границей, то что опасного в их «выступлении»?

Но нет, беспокойство вызывают, оказывается, свои. «П. Бровка подверг рез-

кой критике роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», рассказы Д. Гранина «Собственное мнение» и А. Яшина «Рычаги» и некоторые другие произведения, опубликованные в «Новом мире» и втором сборнике «Литературная Москва». П. Бровка говорил дальше о том, что «критики мало выступают по проблемным вопросам, а выступая, иногда отстаивают субъективные, ошибочные взгляды». Он добавил, что «к сожалению, у нас есть факты, когда критики необдуманно выступают против произведений, утверждающих положительное. Если в произведении показан рост нового, автора обвиняют в лакировке действительности». Если произведение призывает молодых быть бодрыми, смелыми, — снова лакировка. «Нельзя копаться в болезненных переживаниях» — вздохнув, закончил свой доклад Бровка.

П. Глубка, «один из старейших белорусских поэтов», как характеризовала его «Литературная газета», сначала пожаловался на «разложившихся эмигрантов — белоруссов», которые выступили со своими экспонатами на выставке современного искусства в Нью-Йорке. Потом он пытался утешить пленум заявлением, что «нездоровое влияние, отголоском которых явился роман В. Дудинцева, в такой степени... не проявились в нашей белорусской литературе». А закончил признанием, что «отдельные неприятные случаи все же были, и говорить об этом необходимо». М. Лужанин распинался о том, что «среди некоторой части писателей стало очень модным толковать о наших недостатках» и что «есть критика кликушеская, крикливая, подчас обывательская. О «моде» признавать только произведения, обличающие теневые стороны нашей действительности, распространенной среди «молодых людей», говорил также И. Шамакин.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

Л. Сергеева. Сила прошлого. — Молодежь тянется к религии. — Обратная сторона амнистии. — Л. Федоров. Новая политика расслоения деревни. — А. Поплюйко. Абракадабра «демократического централизма». — Н. Тарасова. Собственное мнение. — Е. Евгеньев. Английский балет. — Н. Рутыч. Издание в СССР книги генерала фон Типпельскирха. — Ю. Трегубов. Документальная книга о жизни советского Заполярья. — А. Н. Франция сегодня.